

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11-го Августа № 23 1899 года.

⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. ⊖

Суевѣрныя представленія народа, соединяемыя съ тайнствами.

Наши простолюдины соединяють нерѣдко суевѣрныя представленія съ тайнствами, иногда совершенно оскорбительныя для православнаго религіознаго чувства. Такъ какъ искорененіе суевѣрій—одинъ изъ предметовъ пастырской попечительности приходскаго священника, то укажемъ наиболѣе извѣстныя суевѣрія нашего народа касательно святыхъ тайнствъ.

По установленію церковному почти вслѣдъ за совершеніемъ тайнства крещенія младенца совершается обрядъ постриженія волосъ новокрещеннаго. При этомъ, какъ извѣстно, воспріемнику подается воскъ для закатыванія съ него волосъ, остающихся отъ обряда постриженія младенца; воскъ этотъ воспріемникомъ бросается въ купель съ водою. Лишь только священникъ совершитъ крещеніе и всѣ обряды при немъ, какъ воспріемникъ немедленно съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ въ купель, нетерпѣливо желая узнать, не потонули ли на дно купели брошенный имъ воскъ. Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что, хотя воскъ по естественнымъ законамъ легче воды и никогда не можетъ потонуть въ ней, однако воспріемниковъ можетъ ввести въ заблужденіе первое время паденія воска, брошеннаго иногда съ силою. Плохо, если это будетъ подмѣчено воспріемниками. Они передають объ этомъ родителямъ младенца, и такъ какъ чрезъ это предсказывается по ихъ

нію, въ домѣ больного кадило или другая какая либо церковная вещь будетъ означать, что больной не встанетъ. Также дымъ отъ погашенныхъ свѣчей, имѣющій направленіе къ дверямъ, будетъ означать, что больного будутъ выносить умершимъ въ тѣ двери; если же, напротивъ, дымъ пойдетъ вверхъ или къ окнамъ, то больной выздоровѣетъ. Нѣкоторые соединяютъ съ таинствомъ елеосвященія такую, явно безбожную, мысль, будто бывшій двѣнадцать разъ при совершеніи таинства елеосвященія все равно, что особорованный; а есть и такіе суевѣры, которые, идя на дѣло и боясь встрѣтить въ немъ неудачу, увидавъ елеопомазаннаго («особорованнаго») нѣкогда, бѣгутъ отъ него въ сторону.

(Рук. д. с. наст.)

Невѣжество православнаго русскаго народа въ разсказѣ «Мужики» Антона Чехова.

(Изъ дневника сельскаго священника).

Антонъ Чеховъ—крупный, колоссальный талантъ. Онъ поражаетъ огромнымъ запасомъ наблюденій надъ жизнью народа и изображаетъ жизненную правду. Произведеніе Чехова «Мужики»—настоящій шедевръ, перлъ художества, поставившій Чехова нѣсколькими головами выше всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Такъ говорятъ о Чеховѣ въ печати. Тоже самое утверждаетъ критика.

Изображая матеріальное обѣдненіе и безпомощную нужду русскаго крестьянства, Чеховъ въ «Мужикахъ» даетъ читателю и картинку духовной темноты народа, какъ одной изъ причинъ неприглядной доли крестьянства. Долгъ пастыря, подобно пчелѣ собирающей сокъ изъ разныхъ цвѣтовъ, собирать къ сокровищницу своихъ наблюденій и опыта все то, что есть лучшаго въ жизни и истинно жизненнаго (и служащаго къ жизни) въ художественныхъ воспроизведеніяхъ жизни,—что такъ или иначе споспѣшествуетъ къ освѣщенію и

уясненію просвѣтительныхъ задачъ пастырства, къ облегченію и упрощенію самага дѣла служенія пасомымъ. Посему я и выписываю въ свой дневникъ тѣ части разсказа Чехова, которыми онъ живописуетъ невѣжество русскаго православнаго народа вообще и особенно религіознаго. Вотъ какъ А. Чеховъ рисуетъ неграмотность и безсознательную полуграмотность русскаго крестьянства. Привожу текстъ изъ «Мужиковъ». «Марья Чикильдѣва была неграмотна, не знала никакихъ молитвъ, не знала даже «Отче нашъ». Она и другая невѣстка Оекла—обѣ были крайне не развиты и ничего не могли понять (стр. 10). Ольга Чикильдѣва каждый день читала евангеліе, читала вслухъ, подъячковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали ее до слезъ, и такія слова, какъ «аще» и «дондеже», она произносила со сладкимъ замираніемъ сердца.... Когда Ольга произносила слова изъ Писанія, даже непонятныя, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умиленнымъ и свѣтлымъ (13 стр.). Саша громко начала: «и бѣжи во Египетъ и буди тамо, дондеже реку ти»... При словѣ «дондеже» Ольга (мать Саши) не удержалась и заплакала. На нее глядя, всхлинула Марья, потомъ сестра Ивана Макарыча»... (19 стр.)

Представленіе о Богѣ и обѣ ангелахъ одной изъ обывательницъ Жукова выражено такъ: «въ церкви Богъ живетъ. У людей горять лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ—тушь, тушь, тушь... А сторожу страшно, страшно!... А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо съ колоколами... (24 стр.). Гляди, Мотька, на небо, не мигай,—ангеловъ видать. Не видать? А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики»... (25 стр.).

Страшный судъ въ воображеніи той же обывательницы рисуется: «горѣла большая печь, въ родѣ гончарной, и нечистый духъ съ рогами, какъ у коровы, весь черный, гналъ

бабку (старуху Чикильдѣву) въ огонь длинною палкой, какъ давеча она сама гнала гусей»... (29 стр.).

Отношеніе Жуковцевъ къ иконамъ и храму: «въ избѣ старосты было чисто, всѣ стѣны пестрѣли отъ картинъ, вырѣзанныхъ изъ журналовъ, и на самомъ видномъ мѣстѣ около иконъ висѣлъ портретъ Баттенберга, бывшаго болгарскаго князя... Старикъ Чикильдѣвъ помолился на Баттенберга и сказалъ»... (51 стр.). «Приходская церковь была въ шести верстахъ, въ Косогоровѣ, и въ ней (Жуковцы) бывали только по нуждѣ, когда нужно было крестить, вѣнчаться или отпѣвать; молиться же ходили за рѣку»... (На другой сторонѣ рѣки была церковь сосѣдняго села). «Говѣли въ приходѣ. Съ тѣхъ, кто въ Великомъ посту не успѣвалъ отговѣться, батюшка на Святой, обходя съ крестомъ избы, бралъ по 15 копѣекъ... (стр. 54.).

Въ отношеніяхъ своихъ къ Богу, таинствамъ и вѣчному спасенію обыватели Жукова таковы: «старикъ Чикильдѣвъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, на думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь: «а кто-жъ его знаетъ»!... Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась предъ образами и шептала: «Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери»... «Марья и Оекла (Чикильдѣвы) крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ есть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти тоже: мало кто

вѣрилъ; мало кто понималъ. Въ тоже время всѣ любили священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, не кому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей «вы»...» (55 стр.).

Праздники, дни, установленныя для прославленія Бога и Святыхъ Его, Жуковцы проводили въ излишествахъ всякаго рода: «на Илью пили, на Успеніе пили, на Воздвиженіе пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣевыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли по многу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью (жену), что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно».

«Впрочемъ, и въ Жуковѣ происходило разъ настоящее религіозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились на встрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка.... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ— всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача: Заступница, матушка! Заступница! «Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой, невыносимой нужды, отъ страшной водки... Заступница, Матушка!— рыдала Марія»...

Но отслужили молебенъ, унесли икону, и все пошло по-старому и опять слышались изъ трактира грубые, пьяные голоса.

Смерти боялись только богатые мужики, которые чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души, и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны. Мужики же побѣднѣе не боялись смерти. Старику и бабкѣ говорили прямо въ глаза, что они зажились, что имъ умирать (надо) пора, и они ничего... А Марья не только не боялась смерти, но даже жалѣла, что она такъ долго не приходитъ, и была рада, когда у нея умирали дѣти. Смерти (Жуковцы) не боялись, за то ко всѣмъ болѣзнямъ относились съ преувеличеннымъ страхомъ. Довольно было пустяка—разстройства желудка, легкаго озноба, какъ бабка уже ложилась на печь, куталась и начинала стонать громко и непрерывно: «умираю»! Старикъ спѣшилъ за священникомъ, и бабку пріобщали и соборовали.» (58 стр.).

Нельзя согласиться съ высказанною Чеховымъ мыслью, что русскій православный людъ, даже полуграмотный, плачетъ даже при произношеніи непонятныхъ ему евангельскихъ словъ «дондеже» и «аще»,—что, не поднимаясь до пониманія смысла рѣчи, выражаемой словами, онъ умиляется однимъ механическимъ произношеніемъ словъ «дондеже» и «аще». Возможно-ли умиляться и плакать отъ впечатлѣнія, производимаго ударами палки объ оконное стекло? Не таково-ли и впечатлѣніе отъ произношенія непонятныхъ словъ?! Самъ Чеховъ говоритъ: «Жуковцы любили священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно». Неужели за одни непонятныя слова?!? Почему же? Потому, что въ глубинѣ души многострадальнаго русскаго народа заложены стремленія къ идеаламъ истины, добра, красоты, правды, любви. Плачутъ русскіе люди при чтеніи Евангелія не отъ непонятныхъ словъ, а отъ сродства идеаловъ души съ проповѣдью евангельскою. При самой грубой неразвитости русскаго народа и при отсутствіи въ жизни его условій, способствующихъ возможному приближенію къ идеалу, стремленія къ идеаламъ въ немъ не могутъ быть заглушены ничѣмъ. «Всхлипываніе» при чтеніи

Евангелія—это искренній плачь смиренной души надъ поруганіемъ и искаженіемъ идеаловъ, поставленныхъ Христомъ Господомъ, какъ высшее и разумнѣйшее украшеніе чловѣка... Это самое утверждаетъ (самъ) Чеховъ, говоря: «При проношеніи Живоносной иконы всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача: «Заступница, матушка! Заступница!» Всѣ какъ будто вдругъ понимали, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой, невыносимой нужды, отъ страшной водки»... (57). Почитатели Чехова, въ подтвержденіе мысли, что простонародье по невѣжеству своему, плачетъ и можетъ плакать при совершенно непонятныхъ ему евангельскихъ словахъ «аще» и «дондеже», приводятъ слѣдующее наблюденіе. Замѣтно, что иногда достаточно начальнаго слова изъ евангельскаго чтенія или двухъ трехъ словъ проповѣдника, чтобы вызвать слезы у простыхъ слушателей. Думать, что въ данномъ случаѣ невѣжество народа вызываетъ его слезы, глубокое заблужденіе, свидѣтельствующее о непониманіи души народа. Доказательство тому то, что все крестьянство, за ничтожнымъ исключеніемъ, отличается невѣжествомъ, а плачутъ при чтеніи Евангелія или при слушаніи проповѣди весьма немногіе. Плачетъ лишь тотъ, кто глубоко вѣритъ въ Небесное Царство, всѣми фибрами души стремится къ спасенію и при томъ ощущаетъ всю тяжесть грѣховности, противорѣчія жизни съ идеаломъ. Иначе сказать, плачутъ при чтеніи Евангелія и проповѣди не «невѣжды», а люди истинно просвѣщенные, съ высокимъ нравственнымъ подъемомъ, которыхъ въ Своемъ ученіи Иисусъ Христосъ назвалъ «плачущими» и «алчущими и жаждущими правды». У такихъ людей одна мысль—спасеніе, одна печаль сердца—грѣхи, одно дѣло—усиленное, напряженное тяготѣніе къ идеалу—Христу. Для сихъ людей достаточно одного слова «Богъ», «Судія», «Христосъ», «Царство», чтобы въ воображеніи ихъ возстала картина домостроитель-

ства Божія и участи грѣшника. Вотъ основаніе плача, а не въ произношеніи непонятныхъ народу словъ.

Съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно принять мысли А. Чехова объ отношеніи простонародья къ иконамъ, храму и будущей жизни. Въ средѣ крестьянства всегда были люди безразличные къ духовной жизни, въ родѣ старика Чикильдѣва. Но считать его типическимъ представителемъ міропониманія простонародья, утверждать, что «въ народѣ мало кто вѣритъ», равно какъ и приписывать «батюшкѣ» замѣну «говѣнья» для крестьянъ пошлиной въ 15 коп. съ каждаго неговѣющаго—значить для рельефности на истинно художественной картинѣ Чехова (Мужики) намѣренно утолщать тѣневые штрихи...

За вычетомъ оговореннаго, рассказъ А. Чехова есть художественное изображеніе жизненной правды, особенно примѣнительно къ глубокимъ захолустьямъ обширной Россіи, роскошнѣйшая иллюстрація къ призыву папства: научите вся языки (Мѡ. 28,19). Развѣ не безпощадная истина въ словахъ Чехова: «казалось, что мужики живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважають, боятся и подозрѣвають другъ друга. Кто дер-
житъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужики. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, показалъ ложно на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ротуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжелый трудъ, отъ котораго по началу болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать ее. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся также

отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужикомъ, какъ съ бродягами и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говоритъ «ты» и думаетъ, что имѣеть на то право. Да и можетъ-ли быть какая нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»...

Чеховъ научаетъ насъ сознать и понимать, что вокругъ насъ находится и чего мы сами не замѣчаемъ. Правда, онъ объясняетъ жизненныя явленія подъ угломъ своего міросозерцанія; но несомнѣнно, что главная причина горькой доли крестьянства—невѣжество и нищета—художественной кистью Чехова изображены въ полномъ согласіи съ жизненною правдою. Тѣмъ большее обаяніе производитъ разсказъ Чехова, что авторъ не вышучиваетъ невѣжество народное, не глумится надъ нимъ, а осмѣиваетъ его сквозь слезы съ глубокимъ юморомъ. Мощь таланта А. Чехова неотразима. Разсказъ «Мужики» вызываетъ въ душѣ читателя грустныя настроенія и наводитъ его на размышленія глубокаго свойства... «Мужики» достойны вниманія всякаго пастыря. Не признать этого значитъ быть неискреннимъ или потерять чутъе къ жизни.

S—os.

Хроника епархіальной миссіи.

(Продолженіе *).

11-го октября 1898 года помощникъ епархіальнаго миссіонера вель бесѣду «о свойствахъ Церкви Христовой» тоже въ Васильковкѣ. Въ этой бесѣдѣ изъ членовъ мѣстнаго комитета принимали участіе: предсѣдатель Комитета свящ. А. Песоцкій и свящ. Д. Голубовъ. Сектанты теперь вели себя спокойно, возражали мало и вышли изъ бесѣды, какъ будто нѣсколько призадумавшись относительно правильности своихъ воззрѣній на Православную Церковь, а также и на свое общество. Бесѣда происходила въ слѣдующемъ видѣ.

Господь Иисусъ Христосъ, началъ миссіонеръ бесѣду, пришедши на землю для спасенія рода человѣческаго, основалъ на землѣ Цер-